

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ЖУРНАЛА «МИР ИСКУССТВА» (полемика С. П. Дягилева и И. Е. Репина)

Наталья Дмитриевна Мельник

старший преподаватель кафедры журналистики

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

191015, Санкт-Петербург, ул. Кавалергардская, 7, лит. А. melnik1956@yandex.ru

Формирование эстетической платформы журнала «Мир искусства», ставшего рупором новых веяний в искусстве и журналистике конца XIX – начала XX в., происходило в борьбе сторонников передвижничества и модернизма, которая отразилась в полемике между художником И. Е. Репиным и редактором журнала С. П. Дягилевым. В статье дается анализ причин полемики, ее содержательный аспект, дискурсивная стилистика писем участников полемики, а также ее оценка современниками. В научный оборот вводятся материалы, касающиеся формирования эстетической платформы «Мира искусства», опубликованные в периодических изданиях рассматриваемого периода, а также воспоминания современников.

Ключевые слова: журнал «Мир искусства»; художники; декаденты; С. П. Дягилев; И. Е. Репин; комментирующая статья; позиция редакции.

В настоящее время роль журнала «Мир искусства», издававшегося в Санкт-Петербурге в 1898–1904 гг., как «первого и самого знаменитого журнала русских модернистов», получившего «всемирную известность», не вызывает сомнений у исследователей [Махонина 2004: 199, 196]. «В отличие от предшествующих изданий, которые помещали в основном лишь сообщения о художественной жизни, журнал стал систематически печатать монографические статьи о русских и европейских мастерах... Историко-художественные очерки и статьи отличались высокой содержательностью и блестящей формой, в них нередко использовались архивные и малоизвестные материалы. Эти публикации... внесли существенный вклад в отечественное искусствоведение» [Зильберштейн, Самков 1982: 15]. Журнал «Мир искусства» – манифест группы молодых художественных критиков и художников – стал подлинным рупором новых веяний в искусстве и журналистике, в значительной степени определив вектор развития русской культуры на рубеже XIX–XX вв., названной впоследствии «Серебряным веком».

Однако новый журнал отнюдь не сразу получил признание критиков и читателей, интересующихся вопросами искусства. Редакционному коллективу и прежде всего редактору «Мира искусства» С. П. Дягилеву пришлось, особенно на

первых порах, столкнуться с недоброжелательством и откровенными нападками в прессе ряда журналистов, неприятием со стороны некоторых критиков и художников. Признания, а в дальнейшем и авторитета, удалось достичь путем публичной полемики, подчас весьма ожесточенной.

Становление журнала оказалось трудным отнюдь не случайно: «...рубеж двух столетий был отмечен жесткой борьбой двух художественных лагерей. Дягилев находился в центре борьбы и был среди тех, кто сознательно подчеркивал истоки конфликта. Он усматривал в этом путь к общественному самоопределению своей... эстетической платформы» [Стернин 1989: 122–123]. «В борьбе за новое искусство... журнал “Мир искусства” выступал против поздних передвижников, превративших искусство в дидактику. В этой борьбе принцип эстетизма... оказался и теоретической основой, и художественной программой русского искусства начала века, в особенности “Мира искусства”» [Шестаков 2010: 50].

В общем хоре критических высказываний в прессе, направленных против коллектива журнала «Мир искусства», раздался и голос выдающегося русского художника И. Е. Репина¹. На первый взгляд это может показаться странным – ведь в октябре 1897 г. в статье «В защиту новой

Академии художеств», имевшей подзаголовок «Свободным художествам», он ратовал за поддержку нового искусства: «На наших глазах... неумолимо совершается эволюция в искусстве... Никакие опасения за кажущееся падение искусства уже никого не пугают. Поднять искусство на желаемую им высоту к тем важным идеям, в которые только и верят писатели 60-х – 70-х гг., уже нет возможности...

В последнее 50-летие искусство, освободившись от опеки, быстро шагнуло вперед... В указах наших оно не нуждается...

В молодом поколении уже врожденны новые мотивы...; неужели же мы вправе обрывать их, вместо того чтобы культивировать?...» [Репин 1897: 31–32].

Осенью 1898 г. И. Е. Репин развивает свою мысль. Отвечая на вопрос корреспондента «Петербургской газеты», вымирает ли декадентство, он сказал: «Никоим образом. Всякое новое направление в искусстве имеет в своей сути нечто вечное и своими лучшими произведениями вносит в сферу искусства освежающие мотивы... В индустрии художественно промышленного искусства декадентство уже завоевывает себе право стиля XX века. Декадентство, по-моему, находится еще только в зачаточном состоянии, по крайней мере у нас, в России, и нельзя не пожелать ему развиваться» [А-ов 1898].

Но прошло немногим более двух месяцев, и уже в середине января 1899 г. мнение И. Е. Репина о задачах искусства и новых художественных веяниях кардинально изменилось. Почему же это произошло? С. П. Дягилев и А. Н. Бенуа с первых дней издательской деятельности стремились к сотрудничеству с И. Е. Репиным, так как его авторитет в художественной среде был необычайно высок. Художник согласился войти в состав редакции журнала «Мир искусства»; кроме того, в его №1–2 за 1899 г. в разделе «Художественная хроника» появилась заметка следующего содержания: «Профессор И. Репин любезно дал свое согласие на участие в международной выставке журнала “Мир Искусства”. Появление знаменитого мастера среди молодых художников не может не быть отмечено с особым удовольствием» [Худож. хроника 1899: 7].

Но первый же выпуск журнала вызвал у И. Е. Репина разочарование, более того, негодование. Произошло это потому, что безобидный, казалось бы, раздел «Художественная хроника» получил у «мирискусников» критическую направленность. Заметки для него писал А. П. Нурок (подпись свою он, как правило, не ставил), известный своей язвительностью. В них автор не

щадил ни академиков, ни передвижников, многие из которых были давними друзьями И. Е. Репина. Это и возмутило его и стало причиной охлаждения художника к сотрудникам нового издания.

О своем нежелании далее сотрудничать с «Миром искусства» он написал редактору журнала С. П. Дягилеву, о чем стало известно в художественных кругах. Знаменитый критик В. В. Стасов прокомментировал это обстоятельство в письме к брату Д. В. Стасову от 18 января 1899 г.: «...Репин недавно написал письмо Дягилеву такого содержания, что отступается от декадентского общества, журнала и компании, и что слишком оскорблен нападками их на его товарищей и друзей: Влад. Маковского и В. В. Верещагина.

Все это меня радовало и утешало глубоко – и вдруг, вчера (воскресенье) выходит огромная афиша, вместе с театральными, об открытии 1-й международной выставки (от декадентского журнала) в субботу 23 января в зале Штиглица², и тут объявлено, без поименования самих картин, – целых 65 живописцев участников: 43 иностранных (с финляндскими) и 22 русских, и в числе этих последних – Репин!!!..

А я только что... радовался обращению Репина на путь истинный, хотя бы и временному!.. вот-те и обращение!!..» [Стасов 1962б: 279].

Репин же, написав редактору журнала, рассчитывал, что его письмо вскоре будет опубликовано. Но прошло два месяца, а оно так и не появилось в печати. Тогда художник сообщил С. П. Дягилеву, что передаст свое письмо с целью публикации в журнал «Нива». В результате 22 марта 1899 г. состоялась их встреча, на которой обсуждались вопросы, поднятые И. Е. Репиным. Дальнейшее свидетельствует о том, что к соглашению прийти так и не удалось.

10 апреля 1899 г. в ежемесячном литературном приложении к журналу «Нива» (№ 15) было опубликовано письмо И. Е. Репина «По адресу “Мира искусства”», датированное 30 марта. Художник, в частности, писал: «Хотя редакция “Мира искусства”, после выходов против В. Верещагина, В. Маковского и др. и напечатала, по моему настоянию, заметку, что сотрудники журнала (“Мир искусства”) “отнюдь не считаются принадлежащими к составу редакции, а потому ответственность за ведение как литературной, так и художественной части на них лежать не может”, однако после новых назойливых выходов ее в том же роде я решил вторично и бесспоротно устранить от всякого участия в журнале “Мир искусства”, о чем и заявляю.

Никогда я не соглашусь с мнением редакции, что находящиеся в музее Александра III картины: “Всемирный потоп” Айвазовского, “Иоанн на Патмосе” Моллера, “Мученики в Колизее” Флавицкого, “Иоанн Грозный над пожаром Москвы” Плешанова, “Григорий Великий” В. П. Верещагина, “Василиса Мелентьевна” Седова, “Колыбельки” Трутовского, “Жиды контрабандисты” Риццони и др., перечисленные редакцией картины, следует считать “вещами постыдными, компрометирующими национальное творчество”. И что “подобные произведения, лишённые даже исторического значения (?), из нашего национального музея должны быть немедленно (!!!) убраны” (как предписывает редакция кому-то)...

Все, кому близки интересы искусства, удивлены претензией на ту роль, которую желает играть этот художественный журнал. К Академии художеств он относится свысока. Вышучивая ее деятельность, музею Александра III он предписывает как подчиненному убрать из зала то, что редакции не нравится. Вкусы русской публики он берет под свою опеку...

Он мнит, кажется, что носит в себе миссию международного законодателя искусства и блюстителя вкусов. Устраивая интернациональные выставки, он приглашает художников по своему выбору и у этих избранников выбирает произведения, только отвечающие направлению и вкусам журнала.

Это направление – декадентство в буквальном значении. Его идеал – атавизм в искусстве. Дилетантизм ставится в принцип школы.

Бездарный Леон Фредерик был представлен на последней международной выставке в подавляющем количестве, как образчик современной школы рисовальщика... Впрочем, они не считают его гением. Их гений – финн Гален. Это – образчик одичалости художника. Его идеи – бред сумасшедшего, его искусство близко к каракулям дикаря.

В скульптуре их гений – Роден. Статуя Бальзака, как и статуя Евы, бывшая у нас на французской выставке, близки уже к каменным бабам, украшавшим скифские могилы на юге России. Это направление породило уже легионы подражателей во всех родах искусства.

Пейзажисты – Моне, Розье и многое множество рабов нового поветрия. Анктен, Кондор и т.п. развязные дилетанты почувствовали почву для анархии в искусстве и делают себе карьеру. Все молодые финляндцы, а наши Алекс. Бенуа, К. Сомов, Малютин и др. недоучки, с благоговением изучают манеры этих бойцов за невежество в искусстве... Им необходимо прежде всего

свергнуть авторитет академического образования и поставить на его место дилетантизм.

Биржевая цена – вот чем теперь определяют достоинства художественного произведения... Падать ниц перед вкусами ловкой рекламы и свято исполнять ее предписания!...» [Нива 1899, №15; Мир искусства 1899, №10 (прил.: 1–4); Репин 1901: 211–246].

Стремясь защитить одних художников, И. Е. Репин опускается до необоснованных и грубых обвинений в адрес других. Уверенно высказывая консервативную и довольно субъективную точку зрения на современное искусство, он отказывает сотрудникам журнала в праве отстаивать собственную позицию.

Непонимание и, следовательно, неприятие новых тенденций в искусстве объясняют противоречия в рассуждениях И. Е. Репина. С одной стороны, он обвиняет «мирискусников» в игнорировании всего русского в искусстве, а с другой – признает, что их поддерживают известные русские художники, получившие признание как критиков, так и публики:

«В ваших мудрствованиях об искусстве вы игнорируете русское, вы не признаете существования русской школы... То ли дело болтать за европейцами: Давид, Делакруа, Бодлер, Золя, Рескин, Уистлер; вечно пережевываете вы европейскую жвачку, достаточно устаревшую там и мало кому интересную у нас. А, сказать правду, выставки ваши поддерживаются все же такими художниками, как Серов, Рябушкин, Эдельфельт, Головин, Давыдова, Поленова и др., вовсе не имеющими острого характера упадка вроде бедного калеки-уродца К. Сомова, которого вы ставите во главе движения вашей школы. Я же знаю этого способного юношу и понять не могу его притворства в напускании на себя такой детской глупости в красках, как его зеленая травка, такого идиотизма, как сцены его композиций с маленькими выломанными уродцами, лилипутами...

Можно подумать – не делаюсь ли я врагом нового направления в искусстве вообще? Никогда... И я восхищаюсь безмерно всяким своеобразным талантом. И в новом движении “декадентства” попадаются иногда перлы самобытности художественной, как, например, у Беклина, Штука, Климта, даже у наших: Е. Д. Поленовой, Головина, если бы они не портили себя избитой манерой вывесочных афиш. Но я ненавижу эти кичливые притязания посредственностей... и фанатическую нетерпимость к тому, что не в приходе их секты.

И в “Мире искусства” я высоко ставлю энергию г. Дягилева, его умение хлопотать, ездить

далеко за экспонатами, улаживать с собственниками художественных произведений. На это не многие способны. Нельзя не дорожить этим образованным молодым человеком, так полюбившим искусство. Но не верится даже, что... этот же самый эlegantный аристократ переносит в живописи такие безобразия, как Леон Фредерик, Гален, такие жалкие уродства, как К. Сомов, Анкетен, Кондер и др., и пропускает такие вульгарные выходки, как приведенные мною выше, в журнале “Мир искусства”, которому нельзя отказать во внешнем интересе» [Репин 1901: 211–246].

Обвинения И. Е. Репина в адрес «Мира искусства», несправедливые по сути, были восприняты деятелями культуры по-разному. Критик В. П. Буренин, не раз уже выступавший на страницах печати против С. П. Дягилева и его соратников, не преминул и на этот раз высказать негодование по поводу деятельности редактора журнала: «Конечно, претензии “Мира искусства”, или, точнее, претензии г. Дягилева, редактирующего этот журнал, не только удивительны, но при этом и необыкновенно глупы... Ведь никто иной, как Дягилев, проповедует декадентщину “с ученым видом знатока” и содействует торгашеской рекламе в искусстве» [Буренин 1899, №8310].

Однако у ряда молодых художников, симпатизировавших «Миру искусства» или сотрудничавших с ним, письмо И. Е. Репина вызвало неприятие. М. Нестеров, например, так откликнулся на выпад художника: «Ругательное письмо Репина в “Ниве” не имеет цельности и убежденности и только лишь раздражение. Конец его очень пошлый и портит все, что сказано в нем выше» [Нестеров 1968: 138]. Другими словами то же отношение к публикации И. Е. Репина высказал в одном из писем и И. Э. Грабарь: «Вы знаете, вероятно, что Репин изрыгнул в “Ниве”. Черт с ним, я окончательно решил оставаться за границей. А Буренин, боже мой, что за пошлый невежда!» [Грабарь 1974: 123].

Сами же «мирискусниками» вызов художника, зачастую не только переходящего границы приличия, но и забывающего о необходимости объективной аргументации своей позиции, был принят с достоинством. С. П. Дягилев, как редактор журнала, решил не только перепечатать письмо И. Е. Репина, но и дать ему отповедь в виде собственной комментирующей это письмо статьи. Кроме того, редактор воспользовался разрешением художника публиковать его произведения на страницах журнала, все еще остававшимся в силе. Таким образом, №10 журнала был подготовлен как «репинский».

«Письмо по адресу И. Репина» начинается с эпитафии, в качестве которого автор использует слова самого же И. Е. Репина из его статьи «В защиту новой Академии художеств»: «Я... вообще не имею самонадеянности ничего проповедовать: я только имею смелость всякому явлению смотреть прямо в глаза и не закрывать его виноградным листом. И. Репин» [Репин 1897: 22].

Далее, используя журнал как трибуну для диалога, С. П. Дягилев обращается к «милостивому государю Илье Ефимовичу», напоминая ему, что в №10 «Мира искусства» публикуется целая серия снимков с произведений художника. Эта оговорка была необходима потому, что И. Е. Репин обещал редактору: выход его из числа сотрудников не будет касаться указанного номера, посвященного его же работам. Поскольку И. Е. Репин не сделал этой оговорки в письме в «Ниву», С. П. Дягилеву и пришлось напомнить о данном обещании публично.

Принимая официальный отказ художника сотрудничать с «Миром искусства» как данность, редактор подробно останавливается на мотивировке поступка И. Е. Репина, напоминая ему, что она сводится к трем главным пунктам: к «“выходкам” журнала против некоторых художников, к “декадентскому направлению” журнала и к его “вражескому” отношению к Академии... Прежде чем возражать Вам по существу, мне хотелось бы напомнить об одном забытом Вами факте, который играл большую роль в отношениях Ваших как к академической, так и ко всякой другой “свободомыслящей” молодежи. Я говорю о статье Вашей, появившейся в “Книжке недели” 1-го октября 1897 г., то есть 18 месяцев тому назад, когда Вы были уже профессором Академии» [Дягилев 1899б: 4].

Речь идет об упоминаемой выше статье «В защиту новой Академии художеств». В ней, кстати, И. Е. Репин отмечает в положительном смысле критическую деятельность некоторых литераторов, в том числе и С. П. Дягилева: «Публицисты, пишущие об искусстве только со стороны сюжетов и направления и совсем игнорирующие декоративную сторону жизни, окончательно теряют свое влияние. С другой стороны... возникают писатели, определяющие действительную ценность искусства. Несколько... небольших статей С. П. Дягилева в “Новостях” и заметок Грабаря-Храброго в “Ниве” указывают на независимые стороны пластических искусств... Созерцание должно сменить резонерство, пластика – рассудочность, гармония – дешевый эффект...» [Репин 1897: 28]. Правда, впоследствии И. Е. Репин утверждал, что статья на-

писана им «без всяких нахваливаний» [Репин и Стасов 1950: 43].

С. П. Дягилев, подчеркивая, что И. Е. Репин уже «не юноша» и, следовательно, убеждения его не должны меняться с легкостью, присущей людям молодым, считает, что взгляды художника, утверждаемые им менее двух лет назад, и сейчас должны быть им признаваемы. После чего редактор «Мира искусства», разделив журнальную полосу на две части, для объективного сравнения помещает собственные высказывания слева, а слова И. Е. Репина – справа; затем недавние высказывания И. Е. Репина и то, что он писал полтора года назад.

Для начала он приводит два отзыва об академиях и отношениях ко «всему академическому». Вот мнение редактора «декадентского» журнала: «Старо и неразумно нападать на Академию, как и на всякую школу вообще... Академия должна быть школой... Надо привить любовь к рисунку, а то многие и очень талантливые наши молодые художники переполняют свои вещи ошибками, и их художественный инстинкт не шокируется этой безграмотностью, заметной для всякого образованного глаза» [Дягилев 1899а: 20]. Рядом – цитата из статьи И. Е. Репина: «200 лет назад, из желания поднять высоко знамя искусства, спасти его от измельчания, образовались в Европе академии художеств... Двухсотлетний опыт дал обратные результаты... Время процветания академий, опеки над искусством людей любящих, серьезных и благонамеренных, совсем атрофировало свободное творчество и его движение вперед. Эпоха их скучна и мертва...» [Репин 1897: 31]. Подводя итог данному сравнению, редактор «Мира искусства» справедливо утверждает, что И. Е. Репину необходимо было обвинить сотрудников редакции журнала в отрицании Академии, иначе он не смог бы доказать их «декадентства».

Следующее сопоставление касается «декадентского направления» журнала. С. П. Дягилев приводит недавнее высказывание И. Е. Репина: «Направление (журнала) – декадентство в буквальном значении... Торопитесь, господа, не трудно предсказать, что не пройдет и 10 лет, как ваша хваленая декадентщина и ваш невежественный дилетантизм, развившись... до самопожирающих размеров – так опошлится, так опротивеет, что все любители... скажут: “И это называлось, еще так недавно, искусством!”» [Репин 1899, (№15)]. Тут же редактор журнала приводит слова И. Е. Репина из его статьи полуторагодичной давности: «Не только импрессионизм, мистицизм и символизм, так прочно сидящие в недрах искусства, имеют заслуженное право

быть, но даже так называемое декадентство... в будущем увенчается лаврами, я в этом глубоко уверен... Все испугавшиеся теперь за судьбы искусства скажут...: “Да, это совершенно законное явление, против этого и спорить нечего” и признают в этом странном движении проявление нового мотива творчества и закрепят за ним право гражданства...» [Репин 1897: 18, 19]. После данной цитаты С. П. Дягилев, имея все основания, уверяет, что ему нечего прибавить «к этому панегирику “декадентству”», и называет себя учеником И. Е. Репина.

Переходя к обвинению в «выходках» против «крупных деятелей» русского искусства, предъявленному художником редакции «Мира искусства», редактор пишет: «На это я отвечу Вам, что до всяких наших журналов и выставок, до всякой художественной деятельности с первого момента сознательного отношения нашего к вещам мы видели и слышали лишь площадную ругань и поношение всего того, что было нам дорого и мило... И если мы допустили иронические уколы по адресу Ваших приятелей, то как же Вы-то, Вы, мудрый профессор, чтоб проучить нас, решились на «выходку» перед двухсоттысячной аудиторией, выходку, которая стучит всех наших, потому что она состоит из некрасивой брани, санкционированной Вашим незыблемым авторитетом у той толпы, на которую Вы с такой уверенностью рассчитываете. Вы нам показывали пример, как надо действовать, когда вы без запинки обзывали идеи Галлена бредом сумасшедшего, а его искусство каракулями дикаря? Когда вы Бенуа и Малютину давали прозвище «недоучек», а Сомова крестили «калейко-уродцем», способным только «на идиотизм». Поверьте, подвиг Ваш невелик... И так уж, если из-за “выходок” вы удалились из “Мира искусства”, то надо бы без “выходки” и выйти из него.

Вот каковы Ваши претензии к нам. И неужели Вам не было неловко прочесть все сказанное до сих пор?.. Скажите, как же мы можем уважать Ваши взгляды, когда они длятся не долее месяцев? Каких же Ваших слов мы должны слушаться?» [Дягилев 1899б: 4–8].

Не уподобляясь И. Е. Репину, не гнушавшемуся откровенной бранью в выступлениях в прессе, С. П. Дягилев все же не преминул с сарказмом заметить, что фраза художника, дескать «Angylus» Милле – «посредственная картинка», станет классической фразой. Правда редактора «Мира искусства» очевидна: картина «L'Angylus» французского живописца Жанна Милле (1815–1875) считается одной из лучших его работ. И. Э. Грабарь так писал о произведениях этого художника: «Настроение, которым

проникнуты его картины из сельской жизни, не поддается описанию. Их надо видеть... Простая, несложная жизнь на холстах Милле превратилась в музыкальный аккорд. Его рисунки углем и карандашом имеют едва ли не большее еще значение, чем его живопись. Это целое откровение, это простота и мощь, действующие на вас так, как действуют только рисунки старых мастеров... Рафаэля, Микельанджело, Леонардо да Винчи, Рембрандта» [Грабарь 1897: Стлб. 49].

Остановившись на последнем «недоразумении», С. П. Дягилев напоминает И. Е. Репину его слова о том, что, мол, «мирискусники» игнорируют русское искусство и не признают существования русской школы. И тут же, опровергая этот тезис, он перечисляет фамилии тех русских художников, чьи картины были помещены в первых десяти тетрадах журнала: Репин, В. Васнецов, А. Васнецов, Серов, Левитан, Е. Поленова, В. Поленов, Головин, Малявин, Бакст, Браз, Малютин, Сомов, К. Коровин, Давыдова, Левицкий, Боровиковский, Врубель, П. Соколов, К. Брюллов. Более красноречивое возражение на обвинение в «игнорировании русской школы» вряд ли можно привести.

Вполне справедлив упрек С. П. Дягилева и в том, что мнение И. Е. Репина о ряде явлений художественной жизни весьма переменчиво: «Сегодня у Вас декадентство есть “проявление глубоких ощущений”, а завтра оно “плевки пигмеев”. И Вы во всем и всегда так» [Дягилев 1899б: 4–8]. Современники не раз отмечали внезапные перемены художественных взглядов и симпатий у И. Е. Репина, и это давало повод для нелюбимых высказываний в его адрес. Известный искусствовед Н. Н. Врангель в альбоме «Сто портретов деятелей русского искусства» так писал о художнике: «Главной, самой характерной чертой всей деятельности Репина является его отзывчивость и слишком поспешное увлечение и подчинение вкусам моды. У Репина не было своего самобытного, индивидуального мирозерцания. Этот чрезвычайно даровитый от природы художник был всегда под впечатлением тех или иных течений» [Сто портретов деятелей русского искусства: текст к портрету 69].

Заканчивая «Письмо по адресу И. Репина», С. П. Дягилев справедливо задает оппоненту сакраментальный вопрос: «Скажите ж теперь откровенно, что ж Ваша нынешняя ссора с “декадентами” тоже будет длиться 18 месяцев, или в этом случае Вы измените Вашему принципу?» [Дягилев 1899б: 8].

В. В. Стасов, прочитав «Письмо по адресу И. Репина», хотел немедленно написать свое мнение о нем С. П. Дягилеву. Но в тот период

ряд обстоятельств вынудил его повременить с этим. И все же в мае следующего, 1899 г., выступил со статьей «Чудо чудесное», в которой выразил радость по поводу того, что И. Е. Репин порвал с «Миром искусства»: «...Посмотрел-посмотрел Репин, этот вечный работяга, этот вечный труженик... на наших вертлявых вертопрахов и хвастунов, обещавшихся перестановить вверх дном весь мир и все искусство... посмотрел на их дурацкие безвкусные выставки с финляндскими юродивыми на придачу... посмотрел на их чудовищные мальчишеские глумления над русским искусством и лучшими русскими художниками – и взяла его такая тоска, такое омерзение, что хоть со света бежать... Он и ушел от них с негодованием и презрением... Наш долг теперь провозгласить ему за все это: “Слава!”» [Стасов 1899, (№135)].

И. С. Репин был, однако, рассержен на В. В. Стасова за эту статью. Обиделся на публичное выступление критика и М. М. Антокольский: ему не понравилось, что тот опубликовал его письмо, в котором скульптор выступил в поддержку И. Е. Репина против «Мира искусства» [Антокольский 1905: 854–855, 986–987].

Однако прошло всего четыре месяца, и В. В. Стасов написал о художнике М. М. Антокольскому: «Еще на днях, рассматривая у меня в столовой здешний “декадентский журнал”, он с воодушевлением восклицал: “Какой журнал! Как превосходно! Как все тут ново, свежо. Талантливо и оригинально!” Что же после этого значат все его отречения (печатные) от декадентства и декадентов?.. Не знаю, не знаю» [Стасов 1962а: 88]. Таким образом, редактор «Мира искусства», как это случалось многократно, и на этот раз оказался настоящим провидцем.

Мы так подробно остановились на полемике, развернувшейся в прессе между И. Е. Репиным и С. П. Дягилевым, в том числе на страницах «Мира искусства», потому что она яркий пример того, как выкристаллизовывалась позиция журнала и его редактора. Если мы вновь обратимся к первым номерам, то вынуждены будем признать: облик его складывался постепенно. В первых выпусках большую часть текста занимала редакционная статья. Однако С. П. Дягилев и Д. В. Философов понимали, что им не обойтись без иллюстраций. В конце концов они остановили свой выбор на картинах В. М. Васнецова. Объяснение этому находим у Р. С. Кауфмана: «В его активе был новый тип исторической картины, сказочной, легендарной, и огромный труд росписи Владимирского собора в Киеве» [Кауфман 1990: 296]. Своеобразным же «противове-

сом», выражающим позицию редакции, стала публикация в №1–2 пейзажей И. И. Левитана.

В следующем выпуске журнала (№3–4) уже определеннее вырисовывается направление, которому следовали «мирискусники». Кроме впервые опубликованных «Смолянок» Д. Г. Левицкого здесь были воспроизведены картины П. де Шаванна и Г. Моро, скульптуры П. П. Трубецкого и М. А. Врубеля. Лавируя и стремясь продемонстрировать объективность, редакция помещает в №5 несколько картин и портретов П. П. Соколова: с одной стороны, реалистичных, а с другой – свободных от «тенденций» передвижников, против которых восставали члены редакции.

Лишь в №6 журнала четко видна позиция «мирискусников». Она выражена публикацией каталога Международной художественной выставки журнала «Мир искусства» 1899 г., в котором напечатаны произведения пятидесяти пяти художников, лишь пятнадцать из которых были русскими. Эта выставка не имела определенного направления, она знакомила посетителей практически со всеми течениями современного европейского искусства.

Многие из картин, представленных на вызвавшей большой интерес в художественных кругах выставке, были опубликованы на страницах журнала. Таким образом, с ними могли познакомиться не только столичные жители, но и читатели, жившие в провинции. Именно эта выставка в значительной степени способствовала возросшей популярности журнала. Не смог нанести ей ущерб даже критический очерк В. В. Стасова «Подворье прокаженных».

С. П. Дягилев понимал: наступил момент, когда он может бескомпромиссно проводить в журнале свою линию. Поэтому №7–8 он посвящает своим любимцам – финским художникам, стилистически близким многим из русских живописцев, и в первую очередь яркому представителю «северного модерна» – А. Галлен-Каллела. Именно так выглядело на практике «декадентство» журнала.

Отойти в дальнейшем от выбранной линии С. П. Дягилев уже не мог. Поэтому вполне логичным стало создание №10 журнала как «репинского». Причем, заслуга редактора здесь, как нам представляется, двойная. С одной стороны, он не нарушил сложившегося внешнего облика издания, а с другой – не побоялся публичной полемики с очень известным и уважаемым человеком – И. Е. Репиным. Не впадая в крайности, не опускаясь до откровенной ругани, как это, кстати, зачастую было присуще некоторым его старшим коллегам, С. П. Дягилев, используя сравне-

ния, цитаты, метод убеждения, аргументированно отстаивает свою линию поведения. «Письмо по адресу И. Репина» – яркое выражение эстетической платформы редактора и журнала, а также образец блестящей публицистики.

Вопросы, поднятые И. Е. Репиным и С. П. Дягилевым, были очень актуальны для художественной жизни России конца XIX в. Идеологическая борьба представителей позднего передвижничества и нового направления в искусстве – модернизма – приобретала все больший накал. Заслуга С. П. Дягилева, по нашему мнению, состоит в том, что он не побоялся «взять огонь на себя», прекрасно понимая, что это вызовет в его адрес шквал критики и оскорблений из стана противников. «Письмо по адресу И. Репина» – своеобразная прелюдия новаторской пропаганды редактором журнала современного ему искусства: как русского, так и зарубежного.

Примечания

¹ О некоторых обстоятельствах полемики см. также комментарии составителей сборника «Сергей Дягилев и русское искусство» [Зильберштейн, Самков 1982: 309–316].

² В январе 1899 г. С. П. Дягилевым была организована 1-я международная выставка картин журнала «Мир искусства» в музее Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица (Барон фон Штиглиц Александр Людвигович (1814–1884) – крупнейший русский финансист, промышленник, управляющий Государственным банком Российской империи (1860–1866), меценат. Пожертвовал средства на строительство открытого в 1879 г. Центрального училища технического рисования, а также на создание при нем художественного музея).

Список литературы

- Антокольский М. М.* Его жизнь, творения, письма и статьи. СПб., 1905. 1106 с.
- А-ов.* Наши художники. У проф. И. Е. Репина // Петербургская газета. 1898. 10 нояб. (№309).
- Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1899. 16 апр. (№8310).
- Грабарь И.* Письма. 1891–1917 / ред.-сост., авт. введения и коммент. Л. В. Андреева, Т. П. Каждан. М.: Наука, 1974. 472 с.
- Грабарь И.* Упадок или возрождение? // Нива (ежемесячное лит. прилож.). 1897. №1. Стлб. 49.
- Дягилев С.* Выставки. II. Ученическая выставка // Мир искусства. 1899а. №3–4. С. 20–21.
- Дягилев С.* Письмо по адресу И. Репина // Мир искусства. 1899б. №10 (прилож. С. 4–8).
- Зильберштейн И. С., Самков В. А.* Слово о Сергее Дягилеве. Комментарии // Сергей Дяги-

лев и русское искусство: в 2 т. М.: Изобр. искусство, 1982. Т. 1. С. 7–48, 268–486.

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка в трех томах. Т. 3. 1895–1906. М.: Искусство, 1950. 329 с.

Кауфман Р. С. Очерки истории русской художественной критики XIX века: От Константина Батюшкова до Александра Бенуа. М.: Искусство, 1990. 367 с.

Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.

Мир искусства. 1899. №10 (прилож. С. 1–4).

Нестеров М. В. Из писем. Л.: Искусство, 1968. 451 с.

Нива. 1899. 10 апр. (№ 15).

Репин И. В защиту новой Академии художеств // Книжки Недели. 1897. №10. С. 5–32.

Репин И. Е. Воспоминания, статьи и письма из-за границы. СПб.: Коммерч. скоропечатня Е. Тиле. 1901. 268 с.

Репин И. Е. По адресу «Мира искусства» // Нива. 1899. 10 апр. (№15).

Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962а. Т. I. 355 с.

Стасов В. В. Письма к родным: в 3 т. М.: Гос. муз. изд-во, 1962б. Т. 3, ч. 1. 416 с.

Стасов В. В. Чудо чудесное // Новости и биржевая газета. 1899. 18 мая (№135).

Стернин Г. Ю. Дягилев глазами оппонентов // Сергей Дягилев и художественная культура XIX–XX вв.: материалы первых Дягилевских чтений. 17–19 апреля 1987 г. Пермь, 1989. С. 122–127.

Сто портретов деятелей русского искусства / Текст барона Н. Н. Врангеля. Париж, [1910-е гг.]. Текст к портрету 69.

Художественная хроника: Заметки // Мир искусства. 1899. №1–2. С. 7.

Шестаков В. П. Эстетизм как феномен и программа журнала «Мир искусства» Сергея Дягилева // С. П. Дягилев и современная культура: материалы междунар. симп. «VIII Дягилевские чтения». Пермь, 15–18 мая 2009 г. Пермь, 2010. С. 37–72.

FORMATION OF AESTHETIC PLATFORM OF THE MAGAZINE «WORLD OF ART» (controversy between S. P. Diaghilev and I. E. Repin)

Nataliya D. Melnik

Senior Lecturer of Journalism Department

Saint-Petersburg State University of Service and Economics

The formation of the aesthetic platform of the magazine «World of art», which became the mouthpiece of new trends in the art and journalism of the end of XIX – beginning of XX century, was the struggle of those in favor of the Itinerant movement and modernism, which was reflected in the debate between the artist I.E.Repin and the editor of the magazine, S. P. Diaghilev. The article gives the analysis of the causes of the controversy, its content aspect, discursive style of the letters of the controversy participants, as well as its assessment by the contemporaries. In the scientific researches the data related to the formation of the aesthetic platform of «World of art», which were published in periodicals of the period under question, and the memoirs of contemporaries are introduced.

Key words: magazine «World of art»; artists; decadents; S. P. Diaghilev; I. E. Repin; commentary article; position of editorial staff.